

тому, который гораздо прежде Русских вкусилъ плоды образованности и просвѣщенія, т. е., Болгарамъ. По видимому, нашъ пѣвецъ читалъ пѣснопѣнія Бояна, ибо онъ въ краткихъ словахъ изобразилъ характеръ его сочиненій, говоритъ, что онъ воображеніемъ своимъ растекался по деревьямъ, или ползалъ сврымъ волкомъ по землѣ, и парилъ орломъ по поднебесью, т. е., что воображеніе Бояна было самое пылкое, живое, увлекающее и обворожающее его слушателей, или читателей, и что Боянъ употреблялъ выраженія метафорическія и слогъ его былъ обильный, восточный. По одному преданію нашъ пѣвецъ не могъ судить о духѣ пѣснопѣній Бояна съ такою рѣшительностію.

И такъ Боянъ, коего Византійцы называютъ еще и Веніаминомъ, мало старался о политическихъ событіяхъ, довольствуясь лирой и тишиной, въ коей онъ прославлялъ вѣкъ отца своего, между тѣмъ братья его были не поэтами, а воинами. Партіи ихъ все еще существовали, и чѣмъ больше Регентъ показывалъ силы господства, тѣмъ больше возрастало ихъ негодованіе. Можно было опасаться междоусобной войны, для предотвращенія коей нужно было имѣть на престолѣ челоуѣка мужественнаго, предпріимчиваго, или, если Петръ не былъ еще въ состояніи, по лѣтамъ своимъ, замѣнить Владимира II, то надлежало новому Правительству быть бдительнымъ, и между тѣмъ воспитать молодаго Монарха соответственно пользамъ Государства.

Къ несчастью, онъ попался въ руки челоуѣка властолюбиваго, который, какъ и всѣ подобныя люди, для удержанія власти за собою, забавлялъ Короля играми, увеселеніями, да охотою, словомъ, онъ лишилъ отечество надежды имѣть отличнаго Государя; надменность же его возбуждала противъ него прочихъ Болгарскихъ Воеводъ, знаменитыхъ сослуживцевъ Владимира. Къ этому многія, какъ частныя, такъ общественныя, причины могли дать поводъ; но ярость его враговъ больше всего усилилась по причинѣ его честолюбивыхъ видовъ; когда узнали, что ему захотѣлось быть сватомъ Императора, вообще раздаюсь роптаніе. Многіе вновь пристали къ сторонѣ Князей.